

Отзыв официального оппонента на диссертацию
Демичевой Таисии Максимовны
«Восприятие колониальной империи во Франции во второй половине
XVIII века (просветительский, правовой, культурный аспекты)»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата исторических наук по специальности
07.00.03 — Всеобщая история (новая и новейшая история)

Диссертация Т. М. Демичевой посвящена проблематике восприятия колониализма во французском обществе второй половины XVIII века. Это необычная постановка вопроса для российской историографии, поэтому желание автора разобраться с правовыми, культурными и иными аспектами колониализма в зеркале общественного сознания можно только приветствовать. Т. М. Демичева подчёркивает, что исследует заявленную проблематику в рамках «новой имперской истории», которая предполагает не историю «конкретной территории, а способ описания исторической реальности мультикультурного сообщества» (с. 4). С этих позиций соискатель справедливо обращается к разным аспектам рецепции колониализма во Франции. Такой подход предполагает преодоление разрыва между традиционной историей колоний и историей метрополии, комплексное исследование феномена колониализма¹.

Актуальность работы обусловлена не только состоянием историографии (необходимостью заполнения лакун в истории конкретной колониальной империи), но и переоценкой феномена империи в современной общественно-политической мысли, отражающей перемены в глобальном мировом порядке последних десятилетий. Отмечено, что вопрос о том, «как Просвещение породило такие мощные дискурсы включения, основанные на идеях терпимо-

¹ См., напр.: *A New Imperial History: Culture, Identity and Modernity in Britain and the Empire, 1660–1840* / ed. by K. Wilson. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

сти, равенства, космополитизма и естественных прав, в то самое время, когда создало мощные и прочные дискурсы исключения, основанные на восприятии (и создании) различий расы, пола и гендера», — один из центральных вопросов Просвещения, далёких от решения². Диссертация Т. М. Демичевой как раз представляет собой попытку исследовать этот вопрос.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы, а также значительного по объёму приложения, включающего 86 иллюстраций (с. 206—227). Во введении автор обосновывает актуальность исследования, степень разработанности научной проблемы, формулирует объект, предмет, цель и задачи исследования, определяет хронологические рамки, даёт критический обзор источниковой базы, характеризует научную новизну, теоретическую и практическую значимость, методологическую основу диссертации, даёт сведения об апробации полученных результатов и комментирует структуру работы.

Цель диссертации — «комплексно изучить феномен восприятия колониальной империи во Франции во второй половине XVIII века» (с. 21). Этой цели автор подчиняет четыре задачи: выделить и проанализировать структурные элементы «аналитической модели» империи во взглядах представителей Просвещения; рассмотреть отношение просветителей к колониальной империи во второй половине XVIII века; определить проблемы правового характера в колониях того периода в свете идеологии Просвещения; рассмотреть очерки о путешествиях, произведения литературы и изобразительного искусства как «важные формы проявления имперской и антиимперской мысли» (с. 21). Хронологические рамки работы охватывают вторую половину XVIII века — между изданием сочинения Ш. Л. Монтескьё «О духе законов» (1748) и принятием Конституции 1799 г.

В первой главе рассмотрены взгляды представителей французского Просвещения на колониальную империю. Автор показывает связь этих взглядов

² *Nelson W.M. Making Men: Enlightenment Ideas of Racial Engineering // The American Historical Review. 2010. Vol. 115, No. 5. P. 1367–1368.*

с теорией естественного права, определяет роль сочинения «О духе законов», обращает внимание на корреляцию между уменьшением числа колоний и ростом интенсивности просвещенческой критики управления ими. Т. М. Демичева убедительно демонстрирует противоречивость восприятия колониальной империи просветителями, которые, с одной стороны, осуждали насилие и жестокость на основе принципов свободы и равенства, а с другой — усматривали позитивные стороны рабовладения или даже давали теоретическое обоснование его неизбежности. Эта двойственность особенно чётко проявилась в обсуждении вопросов политэкономии (чему посвящён второй параграф первой главы).

Во второй главе автор рассматривает различные правовые аспекты колониального управления. Особое внимание уделено революционному законодательству, отмечена проблематичность применения принципов Декларации прав человека в колониях. Выводы касаются как проблематизации колониального дискурса после Семилетней войны, так и непоследовательности колониальной политики после 1789 года. Т. М. Демичева выделяет два блока вопросов: права человека и общие вопросы управления. Показаны противоречия между интересами метрополии и колонистов-плантаторов, внутренние противоречия в среде деятелей революции. Здесь же автор делает важное замечание о дефицитах осведомлённости просветителей по поводу реального положения дел в колониях (с. 106).

В третьей главе Т. М. Демичева исследует отражение тематики колониализма в произведениях искусства — от травелогов и художественной литературы до изобразительного искусства. Изучены описания путешествий, организованных при участии короны в 1760–1780-х годах. Констатируется двойственность идейного содержания травелогов. В отличие от многих «кабинетных мыслителей» путешественники вступали в непосредственный контакт с туземцами, и анализ их свидетельств важен для реконструкции образа Другого во взаимных отношениях (с. 133). Автор диссертации приходит к заключению, что акценты в художественной литературе были перенесены с право-

вых вопросов на этические, что во многом отличает беллетристику от философии. Охарактеризована двойственность в восприятии колониальной проблематики в литературе, выразившаяся в противоречивом изображении «дикарей» и т. п. По мнению автора, цель литературы состояла в осуждении коррупции и побуждении читателей к рефлексии (с. 170). Похожие выводы сделаны на основе анализа визуальных источников. Интерес вызывает вывод автора о том, что изобразительное искусство способствовало романтизации колониальной жизни (с. 181).

В заключении к диссертации сформулированы основные выводы.

Т. М. Демичева обработала значительный объём источников и литературы, в том числе привлекла научные работы предшественников на французском, русском и английском языках. Хорошее знание историографии и обращение к источникам, в том числе к публикациям XVIII века на языке оригинала, помогли автору добиться успеха в осмыслении разных сюжетов французской колониальной истории.

Представленные Т. М. Демичевой на защиту научные положения по большей части обоснованы, работа представляет собой самостоятельное завершённое исследование. Цель в целом достигнута, поставленные задачи выполнены. Автор демонстрирует осведомлённость в отношении проблем и достижений современной историографии. Личный вклад автора в российскую историографию определяется прежде всего постановкой новаторских проблем, которая во многом позволяет пересмотреть исследовательские перспективы.

Автореферат диссертации отражает её содержание. По теме диссертации Т. М. Демичева опубликовала 4 работы, в том числе 3 статьи в изданиях, включённых в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, ВАК РФ (две в соавторстве, одну самостоятельно). Ос-

новые положения исследования апробированы на научных конференциях и коллоквиумах в России и Германии.

Практическая значимость проведённого исследования обусловлена возможностью использования его результатов как в научной работе (при дальнейшей разработке проблематики французского колониализма, в том числе в рамках новых историографических направлений), так и в преподавании общих курсов по истории Франции, стран Азии, Африки и Латинской Америки в Новое время, истории идей и общественной мысли, специальных курсов по тематике империй, колоний, философии и политической практики эпохи Просвещения.

Работа написана ясным языком, используемые автором термины, как правило, уместны.

Вместе с тем диссертационное исследование Т. М. Демичевой не свободно от недостатков.

1. Название работы содержит небесспорный в таксономическом отношении ряд: «просветительский, правовой, культурный аспекты». Он отражает структуру работы, состоящей из трёх соответствующих глав. Однако, строго говоря, просветительский аспект также является культурным, тем более что в первой главе диссертации рассматриваются философские воззрения (точнее, «теория империи») просветителей, а не, скажем, практика просветительской деятельности. Таким образом, деление аспектов восприятия произведено по разным основаниям.

Кроме того, не обоснована структура работы (в автореферате оговорено, что она опирается на проблемный принцип), поэтому трудно понять, почему четыре задачи решаются в трёх главах: по существу, первые две задачи следовало бы объединить в одну. Непонятны принципы разделения проблематики третьего и четвёртого параграфов первой главы. Третий посвящён этическим вопросам, но в нём много внимания уделено трактовкам правовых норм просветителями (с. 58—60); четвёртый даёт общую характеристику «подходам к колониальной политике» (собственно, в первых трёх параграфах также

обсуждаются разные подходы), но в нём рассматриваются моральные аспекты войн и упадок этических норм, то есть снова вопросы этики.

2. Методологической основой работы заявлена Новая имперская история (с. 35), но есть некоторые сомнения в том, что автор последовательно придерживается этого подхода. В частности, НИИ и связанные с нею постколониальные исследования помогают преодолеть искусственное разделение между историей метрополии и историей колоний. Колонизация, рассмотренная сквозь «постколониальную» призму, через «самоописание имперского опыта», должна помогать по-новому интерпретировать перемены в состоянии метрополии³. В диссертации, однако, применение подходов НИИ ограничивается редкими фразами общего характера, содержащими небесспорные суждения (напр.: «...как полагает Новая имперская история, именно по причине сжимания центра рушились империи», с. 74, без ссылок). С одной стороны, автор уделяет приоритетное внимание дискурсу, который детерминирует восприятие колониальной империи (вполне в духе упоминаемого в диссертации Э. Саида), с другой — осознаёт обусловленность характера дискурса объективными факторами: «...наиболее остро протекали процессы, связанные с крушением первых колониальных империй, что влекло за собой изменение мышления видных деятелей той эпохи» (с. 21). Согласие с последним тезисом требует более систематичного изложения обстоятельств формирования и развития колониальной империи во Франции, социально-экономических и политических аспектов этих процессов.

3. Объект исследования определён как «восприятие колониальной империи во Франции во второй половине XVIII века» (с. 20). Автор указывает, что новизна исследования заключается в «комплексном подходе» к этому объекту (с. 34). Между тем Т. М. Демичева склонна редуцировать всё многообразие стратегий восприятия колониальной империи к «имперской теории эпохи Просвещения» (с. 37). Постулируется существование единой «теории эпохи

³ См.: *Bancel N. Que faire des postcolonial studies? Vertus et déraisons de l'accueil critique des postcolonial studies en France // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2012. No. 115. P. 135.*

Просвещения» (с. 13) или «теории империи» (с. 38). Однако такое понимание уязвимо сразу по двум причинам.

Во-первых, обоснования требует сужение круга субъектов восприятия колониального опыта до группы просветителей. В историографии проделана большая работа по ревизии взгляда на Просвещение как на мейнстрим идейной и общественной жизни Франции XVIII века. Помимо просветителей во французской интеллектуальной жизни действовали и иные акторы, в том числе силы Контр-Просвещения. Наряду со светской традицией Просвещения рецепция колониального опыта происходила также в других влиятельных традициях, например в иезуитской⁴. Ограничение объекта исследования просвещенческой мыслью было бы логичным отразить в названии работы и формулировке цели.

Но даже если считать Просвещение доминирующей традицией во французской мысли, возникает вторая проблема. Следует ли говорить о внутренней противоречивости просвещенческой традиции (единой теории), как это делает автор диссертации, или констатировать наличие в ней разных течений? Вторая трактовка также встречается в литературе: например, сопоставляются подход Г. Мабли, выступавшего против колониализма по экономическим соображениям, но ничего не имевшего против порабощения негров, и подход П.-В. Малуэ, который признавал расовое неравенство, но ратовал за улучшение положения рабов в целях повышения производительности их труда⁵. При гомогенизации просвещенческой традиции возникает риск утратить понимание драматизма борьбы разных течений в Просвещении (радикального и умеренного)⁶.

⁴ См. сопоставление традиций Просвещения и иезуитской индологии в работе: *Mukhopadhyay I.N. Imperial Ellipses: France, India, and the Critical Imagination: diss. University of California, 2008*; связь колониальной экспансии и ботанических исследований, предпринятых иезуитами, на примере Северной Америки: *Parsons Ch. M. Plants and Peoples: French and Indigenous Botanical Knowledges in Colonial North America, 1600–1760: diss. University of Toronto, 2011* и т. п.

⁵ См., напр.: *Confer V. French Colonial Ideas before 1789 // French Historical Studies. 1964. Vol. 3, No. 3. P. 346* и далее.

⁶ О конкуренции течений в Просвещении существует колоссальная литература. В новейшей коллективной работе о радикальном Просвещении подчёркивается несостоятельность

Кроме того, для *комплексного* исследования восприятия необходимо анализировать не только тексты, но и опыт их рецепции читателями, как это делают Р. Шартье, Р. Дарнтон и другие авторы, изучавшие практики распространения книг и, в связи с этим, циркуляцию знаний во Франции XVIII века. Реконструкция восприятия какого-либо явления *в обществе* в целом требует учёта не только взглядов интеллектуальной элиты, но и обратной связи.

4. Характер использования источников в диссертации в ряде случаев вызывает вопросы. Правовые документы за редким исключением (*Code noir*) использованы мало. Автор быстро переходит от анализа юридических норм к изложению позиций колониальных юристов.

Не обоснован, строго говоря, выбор и такого вида источников, как художественная литература. Автор ограничивается общим суждением о том, что отобраны были произведения, «которые лучше всего соответствовали нашим задачам» (с. 31). Это, однако, не отменяет необходимости определить критерии для отбора материала в колоссальном фонде изящной словесности. Например, десять лет назад была защищена диссертация, посвящённая образу благородного дикаря во французской литературе XVIII века на примере Таити⁷. Для анализа частного вопроса в качестве наиболее значимых были выбраны произведения Д. Вераса, Н. Брикера де ла Диксмери, мадам де Монбар и Г. А. Р. Бастона, которые, к слову, не упоминаются в диссертации Т. М. Демичевой. При обращении к такой масштабной и богатой источниками теме всегда необходимо обосновывать принцип отбора материала. Кроме того, диссертант не вполне корректно в ряде случаев отождествляет взгляды авторов произведений и их протагонистов. По мнению, высказанному лирическим героем, не всегда можно однозначно судить о позиции автора.

взгляда, поддерживавшегося П. Гэем, на Просвещение как на «единый гармоничный проект». См.: *Reassessing the Radical Enlightenment* / ed. S. Ducheyne. L.; N.Y.: Routledge, 2017. По тематике диссертации см: *Dubois L. An Enslaved Enlightenment: Rethinking the Intellectual History of the French Atlantic // Social History*. 2006. Vol. 31, No. 1. P. 1–14; *Meng Y. At the Crossroads of Colonialism, Empire and Revolution: The 'Old Colonies' in French Literature, 1788–1848: diss. University of Washington, 2010.*

⁷ *Marcellesi L.M. From Noble Savage to Colonial Subject: Tahiti in Eighteenth-Century French Literature: diss. Yale University, 2008.*

Нуждается также в комментировании специфика источниковедческого анализа визуальных источников, изученных соискателем.

В ряде случаев автор некритично воспринимает описания, предложенные в источниках, или недостаточно чётко выражает собственную позицию (например, в пересказе сочинения Сен-Пьера, с. 143–144; в выводе о том, что рабство «могло быть хорошим и комфортным», с. 151, и т. п.).

5. Первое положение, вынесенное на защиту, что «восприятие колониальной империи строилось на базовой правовой концепции Монтескьё» (с. 36, 43), как и тезис о том, что основой «творчества французских, британских, немецких просветителей, колониальных деятелей второй половины XVIII века, является труд Монтескьё» (с. 22), скорее, постулируется, чем доказывается. Исключительная роль сочинения Монтескьё нуждается в убедительной аргументации.

Четвёртое положение (с. 36) также вызывает сомнения, поскольку опирается на эссенциалистское понимание понятий «право» и «этика» и игнорирует жанровую специфику произведений литературы и изобразительного искусства, которая во многом, вероятно, и обуславливает отмеченный перенос акцента с правовых вопросов на этические.

Общий вывод о том, что «восприятие колониальной империи характеризовалось противоречивостью имперского и антиимперского дискурсов» (с. 185), выглядит тривиальным и не отражает в полной мере интересные авторские наблюдения, которые встречаются в диссертации.

6. Т. М. Демичева начинает анализ проблематики работы со второй половины XVIII века, хотя было бы целесообразным кратко охарактеризовать колониальный дискурс и истоки его критики на более ранних стадиях. Колониальная тематика находилась в фокусе внимания французских мыслителей и прежде — в XVI — первой половине XVIII века. Заслуживают внимания сочинения М. Монтеня («Опыты», 1580), М. Лекарбо («История Новой Франции», 1609), А. Монкретьена («Трактат о политической экономии», 1615) и др. Для адекватной оценки происхождения просвещенческого дис-

курса необходимо учесть и эту генеалогию⁸. Кроме того, соискатель не обсуждает вопросы структуры управления колониями во Франции, в том числе роль министерства флота, которому они были подчинены и которое выстраивало «научную инфраструктуру Франции Старого порядка в её колонизаторских усилиях»⁹. Между тем достижения этой системы, претерпевшей значительные изменения в годы революции, заложили основу восприятия империи не в меньшей степени, чем изящные искусства или философия. Иными словами, являющиеся частью культуры естественные и социогуманитарные науки, как и искусства, служили и целям колониальной экспансии, и формированию антиколониального дискурса.

7. Некоторые суждения автора сформулированы непонятно или нуждаются в обосновании: «...ряд видных европейских мыслителей подвергали критике деятельность колониальной империи, с одной стороны, защищая неевропейские народы... с другой, доказывая, что европейцы имели право подчинять, колонизировать и “окультуривать” весь остальной мир» (с. 3); положение о «чувстве уважения, которое вначале испытывали коренные народы Азии, Америки и Африки к европейцам» (с. 67). Критику испанских и португальских колонизаторов, совершавших «самые безнаказанные поступки по отношению к местным жителям», диссертант считает «незаслуженно жёсткой» (с. 81). Барнаву приписывается представление о том, что «внутренний режим колоний, его существование, его спокойствие могут рассматриваться только как сверхъестественное здание» (с. 118) и т. п.

8. В ряде случаев перевод с иностранных языков трудно признать удачным. Дж. Гарригусу приписан тезис о переходе «к более точному биологиче-

⁸ Также была бы уместной общая оценка колоссального источникового материала, который доступен по этой теме. Даже до XVIII в. количество сочинений таково, что не поддаётся обработке: только в 1600–1660 гг. во Франции вышло 450 книг с описанием заморских территорий. См.: Черкасов П.П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М.: Наука, 1983. С. 16.

⁹ *McClellan III J.E., Regourd F. The Colonial Machine: French Science and Colonization in the Ancien Régime // Osiris. 2000. Vol. 15: Nature and Empire: Science and the Colonial Enterprise. P. 31–50.* Там же дана структура научных институций, поддерживавших колониальную политику.

скому расизму» (с. 92); в оригинале — «a more explicitly biological racism», то есть «в большей степени эксплицитный биологический расизм»¹⁰. В описании Сен-Пьером страданий рабов диссертант переводит фразу «Voici comme on les traite»¹¹ — «Вот как их лечат» (надо: «Вот как с ними обходятся») (с. 139). В другом месте мысль Сен-Пьера передана так: «...эти чернокожие были предпочтительнее, чем наши крестьяне в Европе» (с. 142; в оригинале речь идёт о судьбе = le sort чернокожих)¹². Встречаются и другие неточности в переводе.

9. Также есть недочёты в оформлении научно-справочного аппарата: книга Леопольдо Сеа (с. 54, 64 и далее вплоть до с. 194) называется «Философия американской истории: Судьбы Латинской Америки. Судьбы Латинской истории» (рус. пер. 1984), хотя в издании о «латинской истории» речи нет. Коллективная монография «Французское Просвещение и революция»¹³ приписана одному Э. Ю. Соловьёву (с. 194). Артур Юнг назван Юоном (с. 97) и т. п. Ценность визуальных источников, воспроизведённых в приложении к работе, снижается из-за отсутствия перевода подписей на русский язык и указаний на авторов, годы и места публикации (для иллюстраций дана общая ссылка на электронный ресурс Национальной библиотеки Франции).

По тематике диссертации также есть ряд работ, знакомство с которыми позволило бы повысить качество исследования¹⁴.

¹⁰ *Garrigus J. D.* Before Haiti: Race and Citizenship in French Saint-Domingue. N. Y.: Springer, 2006. P. 8.

¹¹ *Bernardin de Saint-Pierre J.-H.* Voyage à l'Île-de-France. Londres: Biggs & Cottle, 1803. T. 1. P. 154.

¹² *Ibid.* T. 2. P. 34.

¹³ *Французское Просвещение и революция* / М. А. Киссель, Э. Ю. Соловьёв, Т. И. Ойзерман и др. М.: Наука, 1989.

¹⁴ *Deschamps L.* Histoire de la question coloniale en France. Paris: Plon, 1891. P. 233–346; *Lokke C.L.* France and the Colonial Question. A Study of Contemporary French Opinion, 1763–1801. N. Y.: Columbia University Press, 1932; *Duchet M.* Anthropologie et histoire au siècle des Lumières. Paris: Maspéro, 1971 и т. п. Исследовательские перспективы Новой имперской истории отражены в диссертациях по гендерной проблематике в литературе XVIII века (*Festa L.M.* The Sentimental Fictions of Empire in Eighteenth-Century England and France: diss. University of Pennsylvania, 2000) и по восприятию телесности в колониях (*Van Eyck M.* “We Shall Be One People”: Early Modern French Perceptions of the Amerindian Body: diss. Montréal: McGill University, 2001) и т. п.

Высказанные замечания во многом носят дискуссионный характер и не меняют общего благоприятного впечатления от обсуждаемой работы. Полагаю, что исследование Таисии Максимовны Демичевой «Восприятие колониальной империи во Франции во второй половине XVIII века (просветительский, правовой, культурный аспекты)», представленное на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 — Всеобщая история (новая и новейшая история), является законченной и самостоятельной научно-квалификационной работой и полностью соответствует требованиям, установленным п. 9–11, 13–14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, а её автор Т. М. Демичева заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 — «Всеобщая история».

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент Института гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный
университет имени
Иммануила Канта»

Демичев

Илья Олегович Дементьев

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Почтовый адрес: 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14

e-mail: IDementev@kantiana.ru

Тел: 8 (4012) 59 55 20

18.05.2018

Список публикаций И.О. Дементьева по тематике оппонируемой диссертации

1. Дементьев И.О. Науки о человеке как призвание и профессия // *Общественные науки и современность*. 2018. №1. С. 158—176. (ВАК)
2. Дементьев И.О. «Что есть голос истины?» Анаграмма во французской культуре XVIII века // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2017. №3. С. 38—45. (ВАК)
3. Дементьев И.О. «Страницы как будто для нас»: рецепция идей Алексиса де Токвиля в российской политической мысли XIX — начала XXI века // *Место западных идей в российском общественном и правовом сознании* : сб. науч. ст. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 80—100. (РИНЦ)
4. Дементьев И.О. Новые подходы к социальной истории русских и немецких университетов [Рец. на: Маурер Т. "Барометры" или "маяки" общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М. : Полит. энциклопедия, 2015. 527 с.] // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2: История. 2016. Вып. 3. С. 177—184. (ВАК)
5. Дементьев И.О. От Старого порядка и революции к демократии: проблемы европейской интеграции в контексте идей Алексиса Токвиля // *Идейные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: материалы Четвёртого панъевропейского семинара (21—22 апреля 2014 года)*. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. С. 28—40.
6. Дементьев И.О. [Перевод с французского]: Феррбёф Ф. Городские элиты Кёнигсберга: между традицией и обновлением (1815—1914) // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2015. №6. С. 120—130. (РИНЦ)
7. Дементьев И.О. «Последний крик моды»: достижения и перспективы истории эмоций в новейшей западной историографии // *Историческая психология государственного управления: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.А. Конопленко*. Саратов: ЦПЭИ СНЦ РАН; Буква, 2014. Вып. 1. С. 111—119. (РИНЦ)
8. Дементьев И.О. Консенсус и внутренний конфликт: идеи Алексиса де Токвиля и интерпретация российской истории в американской науке // *Американистика: результаты и перспективы межрегиональных исследований и сотрудничества: монография / под ред. Е.П. Беляевой*. Архангельск: Пресс-Принт, 2014. С. 63—72.
9. Дементьев И.О. «Американец Токвиля»: страхи и надежды европейского наблюдателя в исторической ретроспективе // *Американистика: образы американской культуры в современном прочтении = American Studies: Reading the Images of American Culture: материалы международного семинара / Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова*. Архангельск: Пресс-Принт, 2013. С. 9—22. (РИНЦ)

Дементьев

Илья Олегович Дементьев